

АЛЕКСЕЙ МАСЛОВ

КОНФУЦИЙ:

БЕСЕДЫ

С ОДИНОКИМ

МУДРЕЦОМ

Алексей Маслов

**Конфуций. Беседы с
одиноким мудрецом**

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 14
ББК 87.3(5Кит)

Маслов А. А.

Конфуций. Беседы с одиноким мудрецом / А. А. Маслов —
«РИПОЛ Классик», 2020

ISBN 978-5-386-13693-2

Одни называют его символом китайской нации, другие — Учителем учителей и Великим мудрецом, третьи же считают величайшим мистиком. А может, он был просто философом, уставшим от нерадивых учеников, от неприятия своих идей, оттого, что мир так и не последовал за ним? Эта книга — оригинальное изложение идей и истории жизни Конфуция, сопровождаемое отрывками из записей его изречений «Беседы и суждения». Мудрая, медитативная и поучительная история от известного российского китаевода, руководителя школы востоковедения НИУ ВШЭ, директора Института Дальнего Востока РАН Алексея Маслова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 14
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-386-13693-2

© Маслов А. А., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

1. Вступительное слово: загадка Конфуция	7
2. Конфуцианство, что не равно Конфуцию	13
Слово Конфуция	21
Структура «Лунь юя»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Маслов

Конфуций. Беседы с одиноким мудрецом

*«О, наставник искусен, он умеет завлечь людей!»
Янь Юань, ученик Конфуция, о своем учителе. «Лунь юй» (IX, 11)*

РИПОЛ
КЛАССИК

© Маслов А.А., 2020

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

1. Вступительное слово: загадка Конфуция

В храмовом парке тихо, спокойно и уютно. Чашка чая, неторопливая беседа, прерываемая долгими паузами, во время которых ты ведешь с самим собой молчаливый разговор – именно этого требует от тебя царящая здесь атмосфера. Здесь щебетанье птиц приятнее человеческого голоса, сюда приходят не помолиться – поразмышлять. Здесь царит культура книжников и канонистов, неторопливых раздумий в окружении стел с изречениями того, кто уже в течение полутора тысяч лет именуется просто «Учителем». Это – один из многочисленных храмов Конфуция, и он может находиться где угодно – посреди шумного Пекина, в священных горах Суншань, на горе Тайшань, куда поднимался Учитель. Но он всегда одинаков по своей атмосфере и всегда взывает к одному – к попытке осмыслить вечность мудрости внутри себя.

Такую атмосферу создал не сам Конфуций, а поколения людей, что построили вокруг имени этого человека целую цивилизацию, которая ныне чем дальше, тем больше охватывает весь мир, далеко выходя за пределы Китая, да и Азии в целом.

Были периоды, например, во время «культурной революции» в 1973–1974 гг., когда китайская пропаганда критиковала его как «старика, который не понимал революционной теории и не занимался производственным трудом». По всей стране была развернута кампания «критики Линь Бяо (бывшего министра обороны, погибшего при загадочных обстоятельствах в 1971 г. – А. М.) и Конфуция». Конфуций представлялся ретроградом, а этот его образ в многочисленных публикациях ловко увязывали с жившими тогда политиками, с которыми боролась группа Мао Цзэдуна. Уже потом китайская пропаганда столь же бережно водрузила Конфуция обратно на пьедестал символа китайской нации.

Сегодня фигура Конфуция (551–479 до н. э.) по-прежнему возвышается над современным и рвущимся вперед Китаем. Его слова цитируются политическими деятелями, их ставят в газетные заголовки, а сам великий Учитель выступает как воплощенная мудрость всей нации, которая и позволила, сохраняя традицию, достичь столь больших успехов в модернизации страны. Неслучайно одна из целей развития Китая, объявленная еще Дэн Сяопином в 1979 г., – «построение среднезажиточного общества» к 2021 г. – обозначается именно конфуцианским термином сяокан. Когда-то Конфуций и его ученики мечтали об обществе «средней зажиточности» (*сяокан*) и «великого единения», или «великой тождественности» (*дацин*).

Образ Конфуция, который дошел до нас, всегда молчаливо-величественен, он говорит с нами через тысячелетия только мудрыми цитатами. Его называют «Символом китайской нации» и «Учителем учителей», и наверняка его имя в первую очередь придет на память любому при упоминании культуры Китая. Ему возведены памятники по всей Восточной Азии, и именно там сложилась уникальная культурная общность — конфуцианский культурный регион, формировавшийся под влиянием идей Великого Учителя. Он превратился в «визитную карточку» Китая – обложки многих книг о Китае украшены изображениями великого наставника, он растиражирован на календарях, плакатах и рекламах, сотни «Институтов Конфуция» открываются китайским правительством по всему миру. Культ Конфуция был объявлен императорским, правители совершали моления в храмах Конфуция, на его родине в местечке Цюйфу в провинции Шаньдун возведен огромный храмовый комплекс, ныне превращенный в роскошный музей, куда съезжаются туристы из всех стран мира.

Его культура — культура книжников, интеллектуалов, чиновников; тенистых академий для ученых, где обучали тех, кто затем управлял великой империей. И одновременно это состояние сознания всякого китайского крестьянина, суетливого бизнесмена, расчетливого политика, крикливого торговца на рынке. Всех их объединяет Символ – символ Конфуция, символ наставничества и духовной мудрости, носитель идеи государственного служения и заботы о народе.

У его учения нет постоянной формы. Это даже не доктрина, не философия со своими жесткими постулатами, а особого рода размышления, переходящие в тонкое восхищение ритуальной сущностью жизни. Это вся бездна этико-политических, социальных и символических смыслов, присущих китайской цивилизации. Это и чувство принадлежности к некоему сообществу людей, связанных единым ритуалом, единым переживанием, едиными правилами общения.

Величие Конфуция, его символичность внутри самой культуры абсолютно заслонили его реальный образ человека упорного и несговорчивого, переживающего и страдающего, неудачливого при жизни и духобоязненного, терпеливого с одними учениками и невыносимого с другими. Но он очень живой – и в этом обаяние его образа.

История, возвеличивая человека до символа, убивает в нем реальную жизнь. И современный Конфуций – продукт тысячелетнего подправления образа скромного наставника – «мудреца Куна», или Кун-цзы, по имени Цю (дословно «Холм») и по прозвищу или второму имени Чжун-ни.

Он стал одним из двух китайских философов, которые «удостоились» латинизации своих имен: написанное латиницей, его имя выглядит как «Confucius», откуда и пошло русское «Конфуций» (другим философом был Mencius, или Мэн-цзы).

Сегодня мы знаем Конфуция таким, каким его захотели представить комментаторы и исследователи, таким, каким его хотела видеть официальная китайская историография начиная с V–VI вв. Именно их усилиями перед нами предстает величественный облик Учителя Учителей, непоколебимого в своей мудрости и нравственности.

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного – сколько известно случаев, когда реальные исторические персонажи были буквально погребены под напластованиями мифов, легенд и преданий. Каждый, кто внес вклад в духовное развитие человечества, сегодня предстает перед нами как совокупность образов и преданий.

Но в личности Конфуция есть своя тайна – тайна, которую тщательно оберегает вся китайская традиция. Это – загадка самой личности Конфуция, загадка его Учения, его посвящения и его школы. Это – загадка его становления и воспитания, тайна сокрытого смысла его проповеди. И этот истинный Конфуций не был лишь одним из философов или служивых мужей из обедневших аристократических семей эпохи Чжоу. Он вообще не был «философом»

в том западном смысле этого слова, которое в него обычно вкладывается. Не был он и проповедником неких морально-этических норм и государственных доктрин, хотя при желании такие мысли можно отыскать в его высказываниях. При жизни он особенно ничем не прославился и был чаще гоним, чем привечаем. Он не сумел воплотить в действительность практически ни одной своей идеи по поводу «человеколюбивого управления» царствами, а его статус духовного наставника и проповедника вызывал у многих скепсис или даже резкое отторжение.

Чтобы «разгадать» Конфуция, чтобы понять коды его слова, надо прежде всего понять, чему он сам обучался и что хотел передать. И для этого на время придется забыть о многих традиционных версиях восприятия Конфуция: Конфуций – философ, Конфуций – символ китайской нации, Конфуций – обожествленный мудрец.

Каким был этот человек без последующих наносов канонизации, обожествления и превращения в абсолютный символ восточной мудрости? Был он философом, как его представляют традиционные версии, или носителем какого-то очень древнего знания, которое Конфуций решил использовать для государственного служения?

Так кем же был тот настоящий Конфуций?

«Лунь юй»: муж достойного поведения¹

1,6

Учитель сказал:

– Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота – быть уважительными к старшим, в делах – осторожными, в словах – правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение культуры.

¹ Обычно при составлении книг о Конфуции принято сначала описывать его биографию, а затем давать перевод его основного труда «Лунь юй» («Беседы и суждения»), что правильно с академической точки зрения, но не всегда удобно для читателя, желающего понять саму концентрированную суть его идей. А потому мы здесь, не претендуя на академизм, несколько изменили традиционному правилу: после каждой части текста идет перевод тех отрывков, которые непосредственно относятся к излагаемому материалу. В антологию отрывков из «Лунь юя», составленных по тематическому принципу, вошло подавляющее количество пассажей этого произведения. Сегодня существует немало достойных и качественных полных переводов «Лунь юя» на русский язык, которые при этом могут давать различные трактовки того или иного высказывания или понятия. В своем переводе мы опирались в основном на толкование, предлагаемое Л.С. Переломовым, а также П. Поповым (1842–1913) и В. А.Кривцовым.

Здесь под «культурой» (вэнь) подразумевается целый комплекс знаний и навыков, в том числе изучение древних канонов, каллиграфии, а также норм ритуального поведения и т. д. Все это вместе должно привести к самораскрытию человека.

II,18

Цзычжан упорно учился, надеясь получить государственное содержание. Учитель посоветовал ему:

– Больше слушай, будь сдержан, а когда возникает у тебя сомнение, говори об этом осторожно. Тогда и нареканий тебе будет мало. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном же будь осмотрителен, – и тогда редко будешь раскаиваться в содеянном. Когда слова будут вызывать мало нареканий, а в поступках не придется часто раскаиваться, тогда и получишь ты государственное содержание.

Цзычжан – ученик Конфуция Чжуаньсунь Ши.

IV. 14

Учитель сказал:

– Не печалься, что не занимаешь достойного поста, – печалься, если способности твои не соответствуют этому посту. Не печалься, что люди не знают тебя, – поступай так, чтобы они смогли узнать тебя.

IV. 23

Учитель сказал:

– Редко бывает, чтобы ошибался человек сдержанный.

IV.25

Учитель говорил:

– Добродетельный человек не одинок – непременно найдутся единомышленники.

V. 16

Конфуций так отзывался о Цзы-чане:

– Он обладал четырьмя качествами (Дао) благородного мужа: свершая дела, он исходит из самоуважения; служа вышестоящим, он исходит из ответственности; наставляя народ, исходит из доброты; управляя народом, исходит из справедливости.

Цзы-чань (Гун Сунь-цяо) – прозвище сановника из царства Чжэн.

VI, 14

Учитель сказал:

– Мэн Чжифань никогда не хвастался своими заслугами.

Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а когда войско вступало в город, он стеганул своего коня, сказав: «Я не смел бы быть позади, да вот конь мой не шел вперед».

Мэн Чжифань – аристократ из царства Лу.

IX,16

Учитель сказал:

– Во внешнем мире (т. е. при дворе) следует служить правителям и сановникам, дома надо служить отцам и старшим братьям, нельзя проявлять лень в совершении погребальных ритуалов и не стоит хмелеть от вина. Но что во мне самом есть из всего этого?

IX, 29

Учитель сказал:

– Мудрый не сомневается, человеколюбивый не печалится, храбрый не боится.

XIII, 8

Учитель сказал о царевиче Цзине из царства Вэй:

– Да, он умеет вести дела своей семьи. Когда у него появляется что-нибудь, он говорит: «Достаточно». Когда же он получает сверх этого, то говорит: «Богатею». Когда же получает еще больше, то произносит: «Замечательно!».

XIV, 2

Учитель сказал:

–Если служивый муж (ши) думает лишь о спокойствии и удовольствиях, то он не достоин так называться.

XIV, 12

Цзылу спросил, кого можно назвать совершенным человеком. Учитель ответил:

– Если взять знания Цзан Учжуна, бескорыстие Гунчо, храбрость Чжуанцзы из города Бянь, мастерство Жань Цю, да прибавить к этому познания в Правилах и музыке, то может получиться совершенный человек.

А затем добавил:

– Но вряд ли таким должен быть ныне совершенный человек. Если он предпочитает долг выгоде, рискует жизнью, столкнувшись с опасностью, помнит о своем обещании даже в трудные времена, то уже такого человека можно назвать совершенным.

Цзылу (##), личное имя – Чжун Ю (##) (542–480 до н. э.) – один из самых известных и преданных учеников Конфуция; отличался административными навыками. Был убит в царстве Вэй, пытаясь защитить своего господина. По преданию, рассказанному в «Ли Цзи» («Записки о ритуалах»), после смерти тело Цзылу было разрезано на куски и замариновано. Охваченный горем Конфуций не мог есть в течение нескольких дней и приказал выбросить все маринованные продукты из своего дома. Тем не менее, Учитель от удара так и не отошел и сам через год умер. Цзян Учжун прославился своим умом; современники называли его мудрецом. Чжуанцзы – правитель города Бянь в княжестве Лу.

XIV, 25

Цюй Боюй послал человека побеседовать с Конфуцием.

Конфуций почтительно усадил гостя и спросил:

– Что заботит Вашего хозяина?

Посланец ответил:

– Он желает поменьше совершать ошибок, но пока еще не достиг этого.

Когда посланец удалился,

Учитель произнес:

– Вот так посланец! Вот так посланец!

Цюй Боюй (###) – аристократ из царства Вэй, его гостеприимством пользовался Конфуций во время пребывания в Вэй.

2. Конфуцианство, что не равно Конфуцию

Конфуций (551–479 до н. э.), имя которого по-китайски звучит как Кун-цзы или Кунфу-цзы (Мудрец Кун), был одним из многих служивых мужей, вышедших из обедневших аристократических семей, которые в поздний период эпохи Чжоу пытались через свои познания в древних учениях установить покой и гармонию среди многочисленных царств на Центральной равнине. В традиционных трактатах чаще всего Конфуций упоминается не под именем собственным, а обозначается просто иероглифом «цзы» – «Учитель» (например, «Учитель сказал» – «цзы юэ»), выступая, таким образом, скорее как знаковая фигура, нежели как индивидуальный человек. И читателю сразу становится ясно, что речь идет не об абстрактном «мудреце», а о Конфуции, который стал нравственным идеалом сотен миллионов людей.

В период Восточного Чжоу (770–256 до н. э.), когда жил Конфуций, существовало немало подобных ему честных служивых мужей (ши), в том числе и вышедших из школ ранних мистиков, которые своими знаниями пытались послужить правителям царств. Многие из них делали это в надежде на достойное жалование и должность, другие старались сочетать это с идеалом установления гармонии в Поднебесной. Но из всей их плеяды в истории осталось очень немного имен – и среди них Конфуций. Так может быть, сохранение образа Конфуция в истории – это всего лишь случайность? В тот период в Китае проповедовали сотни учителей, а тысячи жили и до него, и после него. Может быть, просто о других проповедниках не сохранилось достаточного количества сведений – например, их ученики не были столь старательны в своих записях, как последователи Конфуция, которые тщательно зафиксировали каждый шаг и каждую фразу своего любимого учителя? И так он вошел в историю не потому, что был самым великим, а потому, что оказался самым «описанным»?

На первый взгляд, он вполне повседневен – и именно в этой повседневной житейской мудрости проступает его трансцендентное величие. Он не отстранен от мира чувств и эмоций, как буддист, не чудесен в своих историях, как Чжуан-цзы, не обладает сверхъестественными способностями, как даосские маги. Он – такой же, как все. И, однако, он значительно более мистичен, чем десятки других духовных наставников Древнего Китая.

Понять его, на первый взгляд, очень просто – он никогда не говорит о вещах трансцендентных, потаенных, мистических. С учениками и правителями, с аристократами и простолюдинами он в равной степени беседует просто и доступно. И поэтому в его речах даже сегодня любой человек может найти источник как житейских советов, так и духовных откровений.

И все же понять его нелегко. За кажущейся простотой скрывается такая глубина традиции, аллюзий и полунамёков, что не всякий китайский знаток сможет уловить эти тонкости.

Прочтение образа Конфуция зависит от того, на какой точке зрения мы изначально стоим – о Конфуции и традиционном конфуцианстве сегодня известно столько, что весьма затруднительно подходить к этому образу непредвзято. Если мы допускаем, что в Древнем Китае существовала развитая «философия», то перед нами выстраивается образ Конфуция как чрезвычайно педантичного, тщательного философа. Но стоит нам лишь допустить, что Конфуций являлся посвященным духовным наставником, соприкасающимся с самими глубинными мистическими традициями Древнего Китая, то приходит иное понимание его образа. Перед нами предстает духовный учитель, перенявший древнейшие магические ритуалы и образы и стремящийся при помощи этих знаний установить гармоничное правление в царствах на Центральной равнине Китая. Но он не только носитель этой духовной традиции – он ее десакрализатор. Он сообщает о ней открыто, позволяет записывать за собой и – самое главное – видит свою миссию в служении правителям и образовании людей, а не в уединенном отшельничестве.

Конфуцианство в Китае – это абсолютно все. Это даже не национальная идея – это национальная психология. Все, что свойственно древнему или современному китайцу, – его манера поведения, его место в политической культуре, его способы ведения бизнеса и установления отношений с партнерами, – все это автоматически будет названо конфуцианством. По сути, то, что в науке называется «традиционным психотипом китайцев» или «особенностями поли-

тической культуры Китая», в обиходе именуется конфуцианством. Это просто обобщающее слово для того, что явно отличает Китай от многих других стран или культур, но чему сложно дать краткое объяснение. И вот тогда, чтобы не вдаваться во все тонкости объяснения формирования своеобразия китайской цивилизации, это и именуют «конфуцианством». И все это нередко, увы, очень далеко от того, что проповедовал сам Конфуций.

Существует множество слоев конфуцианства. Есть официальная традиция восприятия конфуцианства, которая в основном навеяна неоконфуцианскими трактовками, развивавшимися в XI–XIII вв. Тогда же и было дано основное толкование всех ключевых терминов, которые использовал Конфуций и его великий последователь Мэн-цзы (III в. до н. э.) в своих проповедях: «ритуал» (ли #), «человеколюбие» (жэнь #), «справедливость» (и #), «почитание старших» (сяо #), «искренность» (синь #), «преданность» (чжун #) и многих других.

Конфуцианство, в отличие от индивидуального учения самого Конфуция, – не целостное учение, не стройная система взглядов, представлений, политических доктрин и морально-этических установок. Это комплексная политическая идея, объединяющая Китай. И не столько конфуцианство повлияло на характер китайцев, сколько оно само явилось лишь слепком с уже сложившихся национальных традиций, с устойчивых стереотипов поведения и мышления.

В конце концов сложилось так, что конфуцианство стало гносеологической абстракцией, абсолютным объемом, который может быть наполнен практически любым содержанием. Нередко китаец, как бы сканируя свои мысли, стереотипы и особенности поведения, говорит: «Вот это и есть конфуцианство». Итак, конфуцианство – не то, что должно быть, а то, что уже сложилось, уже живет и развивается. Оно не корректирует поведение, а оправдывает его.

Современный китаец – в полной мере конфуцианец, хотя слова Конфуция может знать лишь на уровне поговорок. Но его поведение, его дух, его отношение к жизни всегда остаются вполне конфуцианскими. Китаец, стараясь соблюдать честность, при этом всегда будет искать выгоду. Достаточно посмотреть на современного чиновника и увидеть, что он всегда ведет себя так, как предписывал Конфуций: двигается степенно и не торопясь, словами не бросается, чаще вежливо отказывает, чем торопливо и необдуманно соглашается.

Современные руководители китайского государства также живут по конфуцианским заветам: забота о народе, о его желудке – прежде всего. Конфуцианство закладывает основы социально-ориентированного государства, которое живет по принципам патернализма: власть заботится о народе, но жестко требует от него соблюдения установленных этой же властью моральных норм. И народ все это должен видеть и реально ощущать; именно в этом залог устойчивости развития Китая. Как только эта «забота о народе», «забота старших о младших» ослабевала, Китай повергался в хаос на десятилетия, но стоило вернуться управлению на конфуцианские принципы – и жизнь страны постепенно налаживалась.

Конфуцианство — это конечно же не учение, не философия и не абстрактная теория управления государством. Это точнейший слепок с норматива поведения каждого китайца.

Показная роскошь руководителей страны и бизнесменов, даже если они имеют достаточно средств для этого, резко отвергается современным китайским обществом, так как Конфуций советовал правителям: «Будь экономен в расходах и жалей людей». Даже новые китайские миллионеры – люди непоказные и скромные, встроенные в систему патернализма власти – вполне соответствуют традиции «разумных трат». Руководители страны могут и даже должны «использовать» народ, не объясняя ему суть своих решений, но делать это надо уважительно, осторожно и вовремя – или, как учил Конфуций, «в соответствующее время». Народ недалек, не всегда разумен, но при правильном управлении всегда послушен. Его можно и нужно принуждать служить государству, и не стоит добиваться от народа рационального понимания поступков руководства: «Народ можно принудить следовать указанному пути, но нельзя заставить его понять, ради чего это следует делать». Для руководителя же государства или области совет простой: «Будь примером для тех, кто служит рядом с тобой, мелкие ошибки прощай, талантливых – выдвигай». Личный пример в конфуцианстве – главный критерий управления, поскольку «если сам правитель прям, то народ все исполняет и без приказов. Если же правитель не прям, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов ни издавалось». Чиновник может даже взять подношение – но «в меру», дабы не разладилось равновесие в государстве. Да и про самого Конфуция его ученик говорит: «Когда надо взять по справедливости, он берет, но так, чтобы ни у кого не вызвать осуждения».

Современное китайское государство наказывает строго и беспощадно – именно за счет этого удалось обуздать коррупцию, экономическую преступность и многое другое, что неизменно приходит вместе с реформами. И в этом тоже завет Конфуция: строго и немилосердно наказывать тех, кто отклоняется от универсальных правил поведения – Ритуала. Впрочем, рецепты установления покоя в государстве вполне универсальны для всех стран: «Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, то народ слушаться не станет».

Вежливость, настойчивость и гибкость китайцев в общении с иностранцами сегодня являются залогом получения множества полезных сведений; главное – явным образом проявить живой интерес к собеседнику. Разве не так поступал и сам Конфуций, который ни о чем не расспрашивал, но ему сами все рассказывали, поскольку «он был приветлив, открыт, уважителен, скромен и уступчив»?

Жители остального мира, что окружает Китай, нередко считались «варварами» ровно настолько, насколько они не знакомы с правилами поведения и китайскими манерами общения. Жизнь – священный, многослойный ритуал, и если ты хочешь стать «своим» в Китае, тебе следует не просто имитировать какие-то манеры, но войти внутрь самого ритуального поведения. И в соответствии с этим общаться, есть и пить, делать дела. То есть приобщиться к тому, о чем учил Конфуций. Да и современные китайцы не просто выезжают за рубеж посмотреть на мир – они несут туда культуру #вэнь ##и в этом смысле продолжают выполнять воспитательную миссию, заложенную еще Конфуцием. Ведь мудрый старец считал, что достаточно поселиться китайцу «среди варваров, и там тотчас исчезнут грубые нравы».

Постепенно оказывается, что другие государства сами начинают «двигаться» вокруг мнения Китая; при этом сам Китай словно бы не прилагает к этому никаких усилий. Вот живое воплощение слов Конфуция о том, что «истинное правление подобно Полярной звезде»: «Кажется, она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся вокруг нее».

Стало привычным именовать Конфуция «величайшим мудрецом», но в действительности очень сложно объяснить, почему история выделила именно его из созвездия блестящих философов и значительно более удачливых администраторов, которые жили на одном временном отрезке с ним. В отличие от многих своих современников Конфуций оказался как раз не возвышен, а максимально приземлен, практичен; он рассуждал о вещах «посюсторонних»,

удивительным образом сводя всякое священное ритуальное начало к каждодневной деятельности, например, говоря об урожае, о болезнях, о приеме пищи, о правильном сне.

О самом Конфуции написано много, пожалуй, даже слишком много, и сегодня уже вряд ли возможно отделить реальный облик этого мудрого старца от многочисленных агиографий, от «выправлений» образа Конфуция в соответствии с государственной доктриной в разные периоды. Само же учение Конфуция оказалось настолько скрыто за многочисленными комментариями последующих эпох, что многие ученые абсолютно разумно решили разделять само учение Конфуция и последующее конфуцианство – социально-политическую теорию и государственную доктрину Китая. К последней Конфуций имел весьма косвенное отношение и никакого «государственного учения» не создавал.

Конфуцианство, в отличие от вполне конкретного учения Конфуция, – скорее лозунг, нежели учение, гибкий и трансформирующийся тезис о том, что должно считаться «сделанным по ритуалу» в разных областях деятельности – от отношений с соседями до приема пищи и управления уездом. Само же конфуцианство – совершенно особое мировосприятие, поэтому не стоит ждать однозначного ответа на вопрос: стало ли оно религией Китая или просто этическим учением? Но очевидно, что конфуцианство выполняло в Китае практически все функции религии и, таким образом, превратилось в национальную квазирелигию. Во всяком случае, другого типа религиозного сознания Дальний Восток не знал.

Мы же будем говорить здесь не о конфуцианстве, а о самом Конфуции.

«Лунь юй»: стойкость служивого мужа

ХШ, 20

Цыгун спросил:

– Кто может называться служивым мужем #ши ### Учитель ответил:

– Тот, кого стыд может удержать от неправедных поступков. И тот, кто, будучи отправлен в другое царство, справится с любым поручением – вот его и можно называть служивым мужем.

Цыгун вновь спросил:

– Прошу объяснить мне, кто может следовать за ним? Учитель ответил:

– Тот, кого его община признает обладающим сыновней почтительностью, и кого его клан признает обладающим любовью к старшим братьям.

Цыгун сказал:

– Осмелюсь спросить, а кто может следовать за этим человеком?

Учитель ответил:

– Тот, кто правдив в словах и решителен в делах, пусть и маленький человек, следует за ним.

Цыгун спросил:

– А каковы те, кто ныне занимается делами правления? Учитель ответил:

– Увы, что можно сказать о людях, чьи способности столь ничтожны?

Цыгун (##) (520–456 до н. э.), личное имя – Дуаньму Цы; входил в число десяти ближайших учеников. Был вторым по красноречию после Цзай Ю и был младше учителя на 31 год. До встречи с Конфуцием был успешным предпринимателем, затем стал одним из выдающихся философов и дипломатов.

XI, 25

Цзылу собирался послать Цзы Гао управляющим в уезд Би. Учитель на это сказал:

– Это все равно что погубить чужого сына. Цзылу ответил:

– Там есть народ, которым надо управлять. Там есть алтари духов земли и злаков, которым надо приносить жертвы. Так стоило ли читать книги, чтобы научиться всему этому?

Учитель сказал:

– Вот поэтому я и презираю бойких на язык.

Цзылу – один из самых известных учеников Конфуция, в то время занимал высокую должность при клане аристократа Цзисуня (##), который был влиятельным политиком в родном для Конфуция царстве Лу и мог назначать управляющих уездами.

XI, 26

Цзылу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя. И Учитель сказал:

– Я чуть постарше вас и потому не в счет. Вот вы все сетуете: «Никто про нас знает!» Ну а если бы кто узнал и взял на службу, что бы вы стали делать?

Цзылу ответил сразу же:

– Пусть это будет государство лишь в тысячу боевых колесниц. Оно зажато со всех сторон большими государствами, их войска угрожают вторжением, а тут еще неурожай и голод. Я же, взявшись за дело, за три года вселил бы в людей мужество и научил бы их морали и справедливости.

Учитель улыбнулся.

– Ну а ты, Цю, с чего бы начал?

Тот ответил:

– Пусть это будет небольшое государство – ли в шестьдесят-семьдесят или даже в пятьдесят-шестьдесят. Если возьмусь за управление, то года за три сумею сделать народ богатым. Что же до обрядов и музыки, то здесь уж придется подождать, когда появится благородный муж.

– Ну а ты, Чи, с чего бы начал?

Тот ответил:

– Не скажу, что я уже сейчас справился бы с таким делом. Поэтому хочется еще поучиться. Я бы желал, облачившись в парадное платье, быть младшим распорядителем при жертвоприношениях в храме предков или при приеме других правителей.

– А ты что скажешь, Дянь?

Когда замолкли звуки лютни, на которой он играл, Цзэн Си (Дянь, – А. М.) поднялся и ответил:

– А я хочу совсем не того, что эти трое.

– Так разве это плохо! – сказал Учитель, – Ведь каждый может высказать свое желание.

И Цзэн Си сказал так:

– В конце весны, в третьем месяце, когда все ходят в весенних одеждах, взять пять-шесть юношей, из тех, что уже носят шапки для взрослых, и шесть-семь отроков, омыться с ними в водах реки И и, обсохнув на ветру у алтаря дождя, под песни возвратиться домой.

Учитель, глубоко вздохнув, сказал:

– Я хотел бы быть вместе с Дянем.

Трое учеников удалились. А Цзэн Си, оставшись последним, спросил:

– Что Вы скажете об их словах?

– Каждый высказал лишь свое желание, – сказал Учитель, —только и всего.

– Почему же Вы, Учитель, улыбнулись, когда говорил Ю?

– Страной управляют с помощью ритуалов, – сказал Учитель, – в его же словах не было уступчивости. Поэтому я и улыбнулся.

– А можно ли то, о чем говорил Цю, считать управлением государством?

– Отчего же страну в шестьдесят-семьдесят ли или даже в пятьдесят-шестьдесят ли не считать государством?

– А то, о чем говорил Чи, – можно ли это считать управлением государством?

– Храм предков и приемы при дворе – разве это не государственные дела? Если есть там храм предков и союзы с князьями – значит, есть и свой князь. И если уж такой человек, как Чи, будет там лишь младшим распорядителем – то кто же тогда способен быть старшим?!

IX, 14

Учитель хотел поселиться среди восточных варваров. Кто-то сказал:

– Как можно? Ведь там низкие нравы!

Учитель ответил:

– Если там поселится благородный муж, откуда же там взяться низким нравам?

Восточные варвары (дословно «девять восточных варварских племен» – цзюэи ##) – племенные союзы, окружавшие территорию Чжоу с Востока.

Слово Конфуция

Тот сборник изречений и историй, который нам сегодня известен под названием «Лунь юй», естественно, не является изначальными словами Конфуция и, более того, не является и хронологически точным описанием событий его жизни. Не исключено, что частично он стал составляться еще при жизни философа его учениками. Тем не менее в его нынешнем виде это скорее труд политический – облик Конфуция в нем подан так, как он представлялся правильным государству. И в этом смысле «Лунь юй» – не книга о том, как говорил и действовал Конфуций, а описание того, как он должен был бы действовать и говорить.

Очевидно и другое – через бесконечный частокол увещаний и «мудрых высказываний» проступает живой, реальный Конфуций: громогласный и сомневающийся, осторожный и решительный, торжествующий и покинутый духами. Именно сборник «Лунь юй», а не исторические описания Конфуция, сделал его облик чрезвычайно обаятельным, живым и очень сложным.

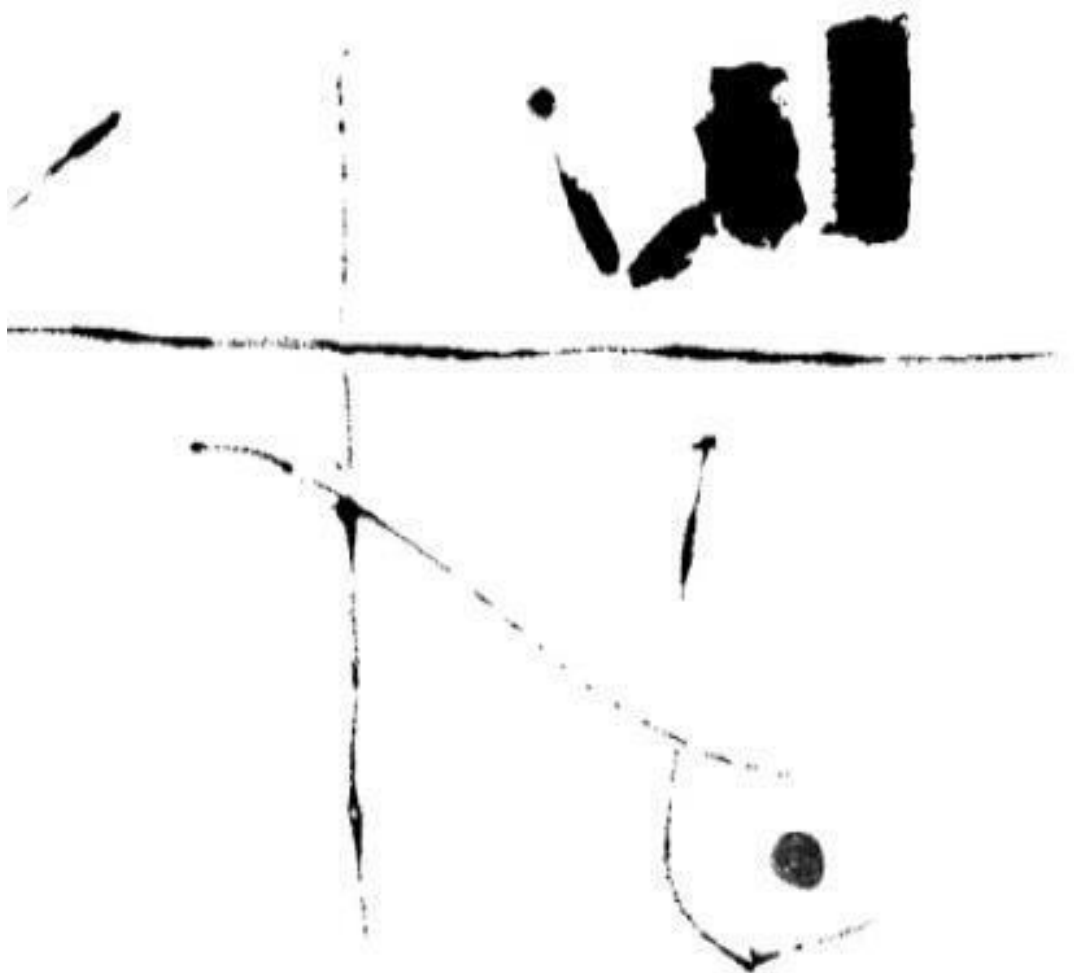
Само название «Лунь юй» (##) можно также понять по-разному: обычно его переводят как «Беседы и суждения», «Собеседования и сентенции», «Обсужденные поучения», а на английском привычным названием стало «The Analects». Наиболее точным по семантике представляется «Обсужденные речи», то есть специально отобранные учениками, или «Речи, [содержащие] суждения [в споре устанавливающие истину]», т. е. «Полемические речи», или «Рассудительные/теоретические/концептуальные речи» [4,2015. С. 90].

Что вообще мы подразумеваем, говоря о «Лунь юе»? На первый взгляд, здесь все достаточно просто – это компиляция высказываний и событий из жизни Конфуция. Частично высказывания, встречающиеся в «Лунь юе», повторяются в «Ли цзи» («Записях о ритуале») – иногда абсолютно точно, но чаще – в переложении или с небольшими изменениями. Ряд историй и высказываний также повторен в более поздней книге «Мэн-цзы», но так или иначе, нигде не встречается точной кальки исходного текста.

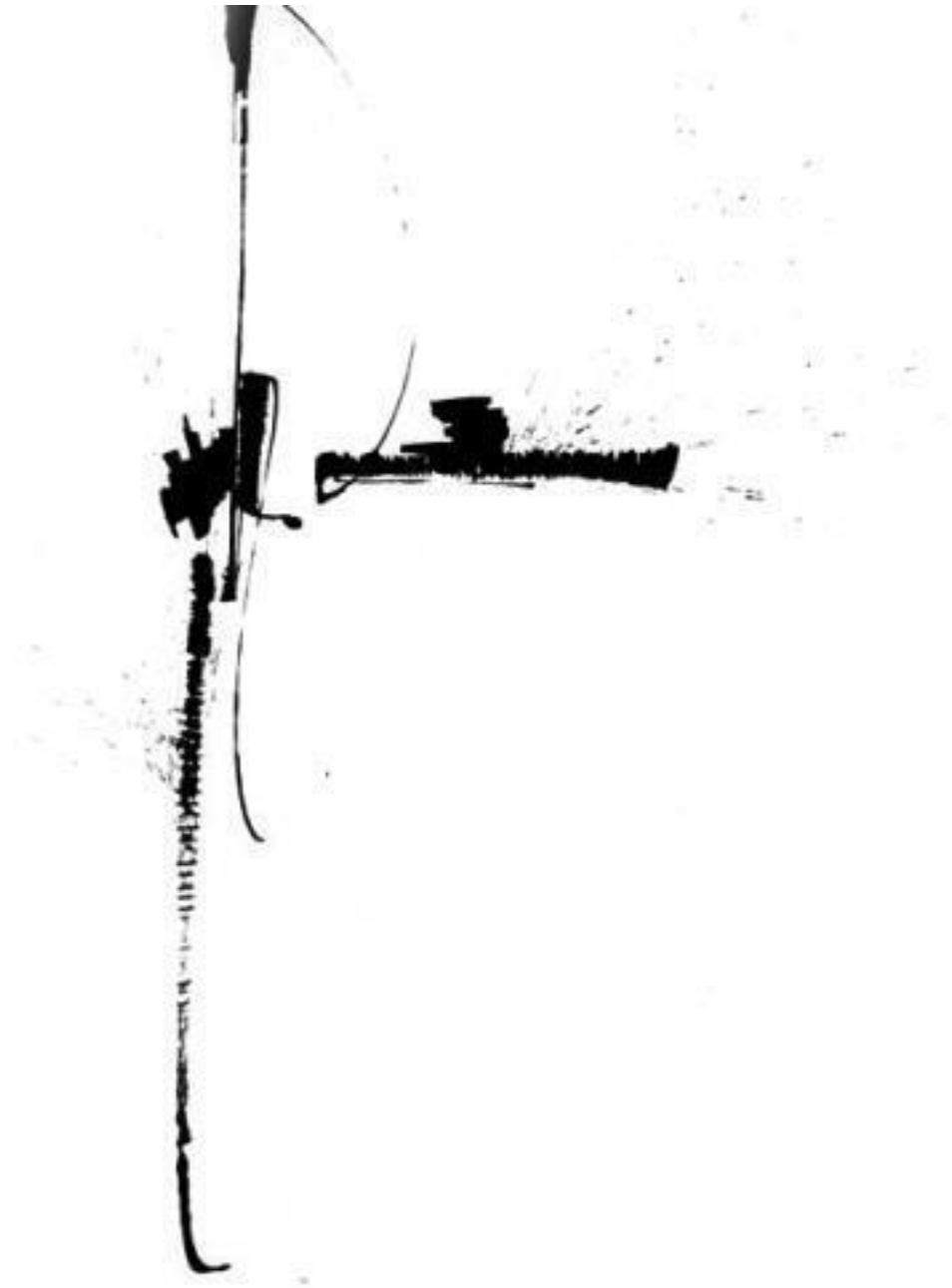
В современном варианте «Лунь юй» содержит 20 «книг», или глав. Традиционно главу принято называть по первым значимым словам этого раздела, например, глава первая именуется «Учиться и.##глава вторая – «Осуществлять правление» и т. д.

Известная нам сегодня структура «Лунь юя» сложилась не сразу. Очевидно, что по Китаю ходило несколько вариантов этого труда, причем каждый считался «истинным». Такая ситуация складывалась вокруг практически всех известных китайских духовных произведений, в том числе, например, «Лао-цзы», «Чжуан-цзы», «Мэн-цзы»: одновременно циркулировало несколько версий, составленных учениками и последователями, которые оспаривали истинность и право первенства в продолжении традиции.

Сегодня сложно назвать точное количество разных вариантов «Лунь юя». К концу I в. были известны по меньшей мере три труда, которые потом легли в основу «Лунь юя». О первых двух упоминал известный историк Лю Сян (77— 6 до н. э.). Они были связаны с названиями царств: «Лу лунь» – «Речения царства Ау» из двадцати глав (она в дальнейшем рассматривалась как основная) и «Ци лунь» – «Речения царства Ци» в двадцать две главы. К последнему труду прилагались еще две главы «Вэнь-ван» и «Ши тао», которые, хотя и являлись частью общего корпуса текстов, но все же повествовали не о Конфуции. Третий вариант получил название «Гу лунь» – «Древние речения» (##); он состоял из двадцати одной главы и был обнаружен, по преданию, в период правления императора Цзин-вана (прав, 157–141 до н. э.) в стене дома Конфуция, куда его запрятали ученики. Версия отличалась написанием многих иероглифов, к тому же порядок глав несколько отличался по сравнению с двумя предыдущими версиями – это говорит о том, что никакого канонического порядка в тот момент еще не сложилось. Никаких дополнительных двух глав эта версия не содержала, но при этом одна из

глав была разделена на две, в результате чего и получилась двадцать одна глава [24, с. 7, 15–16]. Свое название эта версия получила из-за характерного «старого» написания иероглифов, которое использовалось до III в. до н. э.

Первые две версии «Лунь юй» перечисляются в самом раннем упоминании о труде Конфуция – «Истории династии Хань» («Хань ту»), составленной придворным историком Бань Гу (32–92) и членами его семьи. Хроники эти, дошедшие до нас с большими пробелами, были закончены в I в. н. э., и, таким образом, мы имеем достаточно позднее упоминание о беседах Конфуция – со времени его ухода из жизни прошло более четырехсот лет. А значит, не исключено, что до этого существовали и другие списки речений Конфуция, либо не дошедшие до нас, либо включенные в три уже известных сборника.

Эти три сборника «речений» во многом схожи, но все же не одинаковы. Прежде всего, они заметно различались по своему объему. Скорее всего, «Ци лунь» был самой обширной компиляцией речений Конфуция: по своему объему этот труд превосходил «Лу лунь», о чем, в частности, упоминает историк-конфуцианец Лю Дэмин (556–627).

Очевидно, что канонизация конфуциева учения к тому моменту еще не произошла – этого просто не могло случиться при наличии трех (а, возможно, и большего количества) вариантов его высказываний. А это значит, что до VI в. Конфуций не только не считался «учителем учителей», но занимал в исторической ретроспективе позицию немногим выше, чем ряд других духовных учителей. Такое множество вариантов трудов одного и того же мудреца можно считать нормативом ранней истории Китая. Достаточно упомянуть, что известно несколько списков «Дао дэ цзина» («Канон Пути и Благодати») Лао-цзы, где встречаются заметные различия. Более того, обнаруженный в 90-х гг. XX в. самый старый вариант этого трактата, записанный на бамбуковых дощечках (до этого варианты II в. были записаны на шелке, т. н. «шелковые книги»), оказался существенно – почти в два раза – короче, чем широко известная сегодня версия «шелковых книг». Таким образом, для истории

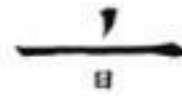
Китая было вполне характерным расширять древние трактаты: слова мудрецов дополнялись, дописывались и в конце концов превращались в компиляцию – причем компиляцию высказываний не только самого духовного наставника, но и мыслей его учеников и последователей по принципу «что мог бы сказать учитель по этому поводу».

Три версии «Лунь юя» долгое время существовали отдельно и циркулировали по Китаю как самостоятельные произведения. Такая ситуация сохранялась вплоть до I в. до н. э., когда одна из версий попала в руки известного каноноведа Чжан Юя (?-5 до н. э.) – знатока речений Конфуция, а также «И цзина» («Канона перемен»). Чжан Юй, эрудит и книжник, имел весьма высокий ранг знатности – хоу, ученое звание боши, т. е. «доктора» – и преподавал императорской семье тонкости «Лунь юя». В 25 г. до н. э. он был назначен главным советником императора, что соответствовало рангу и обязанностям премьер-министра. Чжан Юй, как считается, составил новую версию «Лунь юя» на основе старых списков.

До сих пор идут споры о том, какая же из трех версий легла в основу известного нам сегодня «Лунь юя». По одному из предположений, Чжан Юй сводит воедино две версии – лускую и цискую. Он также пользуется многочисленными комментариями, которые составлялись на «Лунь юй» различными книжниками, в том числе известными каноноведами Ван Яном, Лу Фуцином и другими. Так рождается произведение, названное «Чжан хоу лунь» – «Суждения [и беседы в версии] хоу Чжан [Юя]». Эта версия стала столь популярной, в том числе и благодаря высокому посту ее составителя, что затмила все остальные списки «Лунь юя» [24, с. 15–16]. Так Китай получает первый «официальный» «Лунь юй».

Теперь «Лунь юй» все больше упорядочивается различными комментаторами. Новый список составляется известным ученым Чэнь Сюа-нем (127–200), который также использует версии «Речений из царства Ци» и «Речений из царства Лу». Эта версия не дошла до наших дней, хотя отрывки из нее обнаружены в различных вариантах. Поразительно, что относительно большая часть этого трактата, обнаруженная в 1969 г. в Синьцзяне, является ученической копией, составленной в 710 г. двенадцатилетним юношей. Известная нам сегодня версия «Лунь юя» была составлена Хэ Янем (190–249), который, как считается, свел вместе варианты Чжан Юя и Чэнь Сюаня. В 2011 г. при раскопках погребения правителя Лю Хэ (92–59 до н. э.) – в свои последние годы жизни «князя Хайхуня» – в провинции Цзянси была обнаружена старая копия «Речений из царства Ци»; при этом версия «Речений из царства Лу» дошла до нас только во фрагментах из библиотеки Дуньхуана в провинции Ганьсу.

Как мы можем увидеть, наиболее древние версии, передающие нам истинный характер записей Конфуция, не сохранились. Разумеется, вряд ли стоит считать, что ныне существующая версия «Лунь юя» является подделкой или сильно подправленным вариантом. Судя по высказываниям Учителя, приводимым в других трактатах, скорее всего, мы имеем дело с реальным словом Конфуция. Однако в результате многочисленных редакций могло измениться другое – могли сместиться те акценты, которые стремился расставить Конфуций своими беседами и проповедями. Изменился и смысл некоторых понятий, а за ним трансформировался и образ Конфуция, превратившись в философа-книжника. Именно влияние такой редакции мы должны учитывать, читая сегодня слова Конфуция. Вряд ли он говорил о другом, но, скорее всего, он говорил по-другому.

Постепенная, хотя и не окончательная канонизация «Лунь юя» происходит во времена династии Хань (III в. до н. э. – III в.). А уже в эпоху Тан текст «Лунь юя» выбивается на каменных стелах, и тем самым как бы закрепляется канонический вариант «слова Конфуция».

Приобретя классический вид, «Лунь юй» стал частью практически всех основных канонических литературно-назидательной классики Китая и, прежде всего, т. н. «Четверокнижия» («Сы ту»). «Четверокнижие» как собрание наиболее значимых трудов конфуцианской классики составляется знаменитым философом-неоконфуцианцем Чжу Си в 1190-м, и в это собрание, помимо, собственно, «Лунь юя», вошли также «Мэн-цзы», «Чжун юн» и «Да сюэ» («Великое учение»). «Лунь юй» также стал центральной частью «Тринадцатикнижия» («Шисань цзин чжу ши»), которое не только изучалось всеми учеными и чиновниками, но и было основой обучения в китайских школах. «Тринадцатикнижие» всегда воспринималось как наиболее полный и точный свод именно конфуцианской классики с каноническими комментариями (в частности, «Лунь юй» издавался в обрамлении комментариев Чжу Си). «Тринадцатикнижие» было составлено в XII в. при правлении династии Южная Сун, а цинский чиновник Жуань Юань (1764–1849) скомпилировал критический свод всех текстов, куда были включены не только прежние комментарии, но и некоторые новые, а также списки разночтений (цзяокань цзи) [24, с. 18–19]. Именно это издание, неоднократно переиздававшееся впоследствии, стало своеобразным нормативом для последующих исследований.

«Четверокнижие» становится официальным каноном китайской политической и духовной культуры. В течение многих веков эти трактаты, и прежде всего «Лунь юй», были основным предметом изучения для чиновников, и знание этих текстов, а также умение их комментировать в обязательном порядке являлось частью государственных экзаменов на чиновничьи и ученые звания с 1313 по 1905 гг. И здесь живое слово Конфуция, драма его жизни как духовного учителя и мистического проповедника абсолютно и окончательно растворяется в политической идеологии государства. Большинству терминов, в том числе жэнь (человеколюбие), сяо (сыновняя почтительность), чжун (преданность), и (долг), даются новые трактовки в соответствии с «политической необходимостью». И с этого момента сама проповедь Конфуция приобретает совсем иной характер – характер морально-этической и нравственной доктрины, а сам мистический фактор окончательно «вымывается» из нее. И вплоть до сегодняшнего дня как на государственном уровне, – так и на уровне обыденного сознания конфуцианство воспринимается как часть национальной идеологии, как символ китайской цивилизации, но отнюдь не как личная проповедь бродячего наставника Конфуция.

Структура «Лунь юя»

Характер самого «Лунь юя» в равной степени как полностью соответствует канонам записей речений мудрецов того времени, так и отличается от многих других образцов классики Китая.

Прежде всего, по своей структуре это текст не оккультный, не ман-тический, как, например, «Канон перемен» #«И цзин» ###. За редким исключением он не содержит заклинательных формул и магических речитативов, как более древний «Канон песнопений» #«Ши цзин» #### который очень высоко ценил сам Конфуций. И – самое главное – он не написан самим Конфуцием и, по-видимому, им даже и не правился. Его ученики, записывая, обращали внимание на то, что им казалось важным – иногда просто на эпизоды из жизни наставника или манеры его поведения. Не в силах дать им трактовку, они оставляли это для потомков.

Сам же Конфуций отказывался записывать что бы то ни было, вероятно, считая, что все, что необходимо, уже записано – не случайно он отсылал своих учеников к «И цзину», «Ши цзину». Он же не несет какого-то устного, формального учения, а передает его всем своим поведением, он вопрошает духов и воплощает их веления на Земле. И здесь особый смысл приобретает его знаменитая фраза: «Я не создаю, но лишь повторяю изученное». Ему передано учение #сюэ ##, он его «повторяет» и не творит ничего нового. И в этом он – абсолютно традиционный мистический учитель.

Обычно предполагается, что записи высказываний Конфуция составлял его ученик Цзэн-цзы, или Цзэн Шэнь #####505–435 гг. до н. э. #, которому также принято приписывать составление небольшого трактата «Да сюэ» – «Великое учение» ####, тоже вошедшего в конфуцианское «Четверокнижие» [34,1997. Р. 204].

Сама структура «Лунь юя» является суммой самых различных высказываний и явно отражает борьбу, которая шла вокруг наследия

Конфуция между его преемниками и учениками. Это хорошо прослеживается в неоднородности структуры текста. Прежде всего, характер первых пятнадцати книг заметно отличается от последних пяти.

На первый взгляд, материал в главах сгруппирован случайно, сами же главы, равно как и высказывания внутри них, также расставлены вне всякой логики. Более внимательное прочтение покажет нам, что над составлением «Лунь юя» все же тщательно работали компиляторы, собирая в одну главу высказывания не столько тематически близкие, сколько связанные единым термином. Например, откроем третью главу. В близких пассажах 23,24 и 25 речь идет о музыке, точнее говоря, во всех случаях используется этот термин. Но в первом из них Конфуций говорит, что «музыку необходимо знать!», – тогда как во втором упоминается музыкальный инструмент то – деревянный язык колокола, причем в контексте, никак не связанном с музыкой. Конфуций говорит своим ученикам: «Почему вы так обеспокоены, что нет у вас чиновничьих постов? Поднебесная уже давно лишилась пути-Дао, и скоро Небо сделает Вашего Учителя языком колокола». В третьем же Конфуций рассуждает о том, что музыка древнего правителя Шуня (музыка шао) была «красивой и нравственной», а вот музыка правителя У – «воинственного» – «красива, но не вполне нравственна». В сущности, здесь речь идет не столько о музыке, сколько о самом характере древнего правления. В других же местах «Лунь юя» встречается немало высказываний о музыке, которые не сгруппированы в одну главу.

Первая и вторая глава вызывают несколько сумбурное ощущение – складывается впечатление, что составители пытались включить в них то, что им казалось самым главным в речениях Конфуция, а потому здесь главенствует не единая тема, а единая мысль, свод важнейших идей проповеди Учителя. А вот дальше «Лунь юй» приобретает значительно большую стройность. Третья глава в основном посвящена наставлениям в ритуале и музыке, четвертая поочередно трактует основные понятия конфуцианского учения – «человеколюбие», воспитание человека, путь-Дао, сопоставление благородного мужа цзюнь-цзы и «низкого человека». Большая часть пятой и шестой глав включает высказывания Конфуция о разных людях: своих учениках, правителях, аристократах. Седьмая глава содержит ответы Конфуция на вопросы учеников, причем через них демонстрируется сам характер Конфуция – некий идеальный норматив поведения. Восьмая глава состоит из высказываний Конфуция по самым различным поводам, однако при этом в нее местами включены высказывания его ученика Цз-эн-цзы. Одиннадцатая глава целиком посвящена самому Конфуцию. В двенадцатой главе мы встречаем запись вопросов Конфуцию и ответов на них. Первая часть тринадцатой главы посвящена высказываниям по поводу управления государством, вторая часть (18–28 параграфы) рассказывает о нормативе поведения благородного мужа цзюнь-цзы. Здесь же рассматривается

понятие ши – честного служивого мужа, по сути, цзюнь-цзы, который находится на службе у правителя. Четырнадцатая глава возвращает нас к центральным понятиям конфуцианской проповеди, обозначенным в первой и второй главах; из-за этого она так же, как и первые главы, кажется несколько рыхлой по структуре. Наконец, в пятнадцатой главе в основном обсуждается тема человека как такового – любящего добродетель, человеколюбивого или лживого, снисходительного и требовательного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.